

***

Прошедшее время — в нём всё, что могло
осталось, в нём запах забытый жилья,
за окнами век расцветает магно-
лия, за столом не стареет семья.

Не слышен ни голос, ни скрип половиц,
из крана годами вода не течёт,
и тот, кто капустниц идёт половить,
никак не находит в чулане сачок.

Здесь нужен какой-нибудь сыщик Мегрэ,
чтоб всё отыскать и вернуть день за днём,
и даже — пусть мама привычно: «Мигрень
опять, — говорит. — Это перед дождём.»

ПРИХОЖАЯ

Наблюдая
белый плащ, плющом
распластавшийся по стене,
кожанную куртку,
коричнево бликующую утром,
свитер, в чьих рукавах
ещё свищет вчерашний

ветер; пальто, накануне
остановившее листопада поток;
затянувший петлю на ручке
входной двери зонт,
повешенный ниже, чем глазок;
обувь, бунтующую под вешалкой,
с туфелькой, покрытой
замечтавшейся замшей,
со шкарами «Гимберленд»
шкуры свиной выделки,
с кроссовками спринтерской
решимости, с широкими тапками
одомашненной очарованности,
с сапогами семимильными
в мелиоративном прошлом,
с ботами на каблуках, словно
на корабельных болтах —
эта часть дома знает, что
форма одежд, обуви, всего,
что бесполо ныне в прихожей,
оставлена содержанием:
оно приобретает форму, когда
захлопывается входная дверь
снаружи, и теряет форму,
едва захлопывается дверь
изнутри, а между —
пыль ложится, медленно
и незримо, как опадают
миги в песочных часах,
пыль ложится на контуры,
фоном оставленные до
лучших времён в прихожей,
и только эта часть дома
наблюдает по ночам, как

в расширяющейся дрёме
начинает плавно кружиться
пальто, охватывая воздух
пустыми рукавами, и тужелька
фиолетовым боком всплывает
к белому привидению плаща,
сползающего отрешенно по
эмалевой стене, к заднику
входной двери, на котором
зонт раскрывает павлиньи
длинные спицы и его тень
спускается гипюровой тканью
ожидания на боты, чьи
каблуки скользят по бликам
в липкой лужице, наглотав-
шейся капель, нападавших
из-под глазка, после чего
осторожные
изгибы танца бестелесых форм
остаются в границах прихожей,
воспаряясь к потолку и ниспадая
свитерами, куртками, сандалиями,
не убранными с лета, сапогами,
перескочившими коврик у порога,
накидкой с воротником искусственного
меха, случайным осенним пиджаком
канареечного цвета, кружась и
мягко огибая углы и освежая,
как веерами, стены — словно
подчиненные единому такту
отпечатки душ, полые существа,
оставленные хозяевами,
покинувшими их ради других
частей дома, пока здесь

время пылится и пыль
затягивает безответные формы
в темноту, в её тёплую материю,
которая сливается (как это
и бывает с чёрными бальными
платьями) с темнотой пола,
остывающего от пылающего света
потолочной лампы, потушенной
давно, перед тем, как всем,
содержащимся
в этом доме, предстояло
разойтись
по спальням
и
уснуть.

КУХНЯ

Помня
каждую разбитую
тарелку, рюмку, чашку
из разных подарочных сервизов;
глубокую кастрюлю, специально
купленную для варки лобстеров
(хорошо — громадных омаров);
фаянсовую супницу, которую
использовали всего один раз,
на поминках деда, отца, вдовца;
мельхиоровую ложку — ею
кормили до года вначале
старшего, а потом и младшего
ребёнка; тяжёлый стол,
раздвигаемый на шестнадцать

персон, а если сесть поплотней,
то и на двадцать; стулья
тёмно-коричневые, с мелкими
насечками на деревянных
сидениях, нанесённых в разном
возрасте детьми-вандалами;
напольные тумбочки и шкафчики
настенные с десятками пивных
разнообразных кружек,
привезённых из путешествий
по странам и континентам; цветы
в горшках и кадках; картины,
сюжетно не имеющие к еде
и поглощению пищи отношения —
эта часть дома чаще других
видит своих жильцов,
слышит своих жильцов,
собирает их на ужины, на
обеда в выходные дни,
на семейные торжества и
по календарным праздникам,
эта часть дома помнит каждого
из них за все прошедшие годы:
как они сидели вокруг стола,
в каком порядке и в каких позах,
о чём они говорили, кто в
это время вставал, отвлекался
на телефонный звонок, уходил
в другие части дома, смеялся
там или падал в кровать,
накрывшись одеялом и
подтянув к животу колени,
поэтому в этой части дома
все они остаются прежними,

поэтому ребёнок, сидя в
детском кресле, плотно
прижатом к столу, пугается
внезапно открывшемуся жёлтому
глазу холодильника напротив,
куда он же лезет ночью, лет
двадцать спустя, чтобы
утолить похмельный
голод; а одинокий старик,
сжав в правой руке стакан
с кефиром, а в левой держа
кружок ржаного печенья,
видит на потолке зелёную точку
пожарного детектора в тёмной кухне
и думает, иронично-нараспев:
«вот и она, немигающая моя звезда,» —
и готов загадать желание,
поскрипывая старым ссохшимся
стулом, который в последний раз,
лет пятнадцать назад, проверял
отвёрткой на прочность в нём
усталого крепежа. И старик
знает, единственный в доме,
что если сейчас
загадать
желание,
то оно
обязательно
когда-нибудь
исполнится.

ПОСЛЕ ПЕРВОГО СНЕГА

Должно быть, в личных целях дату
зима подобрала для стужи,
пространство чёрного квадрата
изнанкой вывернув наружу.

Сусальны сосны под мехами,
Мидас касался их как будто,
как будто им стоять веками,
как пирамидам или буддам.

Теперь на всех один пустырь и
дома, сгрудившись на пригорке,
подобно кораблям пустыни,
спят, крышами под ветром горбясь.

Им видится прохожий летний,
попавший на мгновенье в кадр,
а дальше, словно в киноленте
засвеченной — опять декабрь.

***

куда пропадают герои снов?
все эти нужные предметы, люди,
ставшие близкими, с которыми вновь
не встретиться, которых больше не будет?
чем завершаются там истории: сюжет
про детей, нашедших твоё портмоне?
про знакомый с детства город Зэд
с ландшафтом, написанным в духе Моне?

все эти ужастики с погоней, с чередой
потерь родных, друзей, незнакомых?
с цветными планетами и яркой звездой,
с оказавшимся на ней твоим домом?
что это было, и каждой ночью зачем
эти встречи, разлуки с чувством сиротства?
От всего человека, возможно, «чел»
остаётся, или «ч», если что-то во сне
остаётся.